

Материалы для биографии и литературной характеристики.

I.

Русская вѣтвь рода Лермонтовых^{*)} ведеть свое начало отъ Георга Лермента, выходца изъ Шотландіи („Шототскія земли“), взятаго въ пленъ русскими войсками при осадѣ польской крѣпости Бѣлой (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.) осенью 1613 года.

Подобно другимъ „бѣльскимъ сидѣльцамъ“, Юшко Лермонтъ,—какъ онъ называетъ себя въ своихъ членитныхъ,—счелъ за лучшее навсегда оставаться въ Россіи и былъ принятъ на „государеву службу“ съ сохраненiemъ дворянскаго званія („въ шляхтичахъ“).

Въ 1618 г. Георгъ Лермонтъ, будучи прaporщикомъ, участвовалъ въ схваткѣ съ войсками королевича Владислава и гетмана Ходкевича подъ Можайскомъ и въ самой Москвѣ у Арбатскихъ воротъ.

Весною 1621 г. поручикъ Юрий Лермонтъ пожалованъ бытъ помѣстями въ Галицкомъ уѣзде Костромской губ., а въ 1632—назначенъ обучать хитростямъ ратнаго строенія (въ конскомъ рейтарскомъ строю) дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также новокрещеныхъ нѣмцевъ и татаръ. Во время второй польской войны, въ концѣ 1633 г. или въ началѣ 1634-го, ротмистръ Лермонтъ бытъ убитъ „на государеву службу подъ Смоленскомъ“. Послѣ Юрия Лермента осталась „горякая вдова“, три сына и дочь. Одинъ изъ сыновей его, Петръ Юрьевичъ, въ послѣдствіи воевода Саранскій, принялъ въ 1653 г. „крещеніе въ православную христіанску вѣру“ и, такимъ образомъ, окончательно акклиматизировался „средь чуждыхъ спѣговъ“.

Въ концѣ XVII в. внуки Г. Лермента, стольники Евтихій и Петръ Петровы Лермонтовы подаются въ Разрядный Приказъ, „поколѣнную

^{*)} Въ официальныхъ документахъ, начиная съ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и кончая приказомъ обѣ исключений М. Ю. Лермонтова изъ списковъ Тенгинского полка за смертью, фамилія его пишется черезъ „а“, а не черезъ „о“. Самъ поэтъ подписывался и такъ, и иначе: сначала — Лермонтовъ, Lermat, Lermantoff, а потомъ — Лермонтовъ, Lermontoff. Болѣе правильное написаніе этой фамиліи — черезъ „о“: отъ шотландской и английской формы Learmont. (Ср. Encyclopaedia Britannica. Изд. 11-е. Т. XXVI, стр. 865; Dictionary of National Biography. London. 1908. VI, 803).

роспись“, въ которой называютъ своимъ родственникомъ — предкомъ того шотландскаго вельможу Лермента, который, принадлежа къ „породнымъ людямъ Англискіе земли“, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Малькольма, сына короля Дункана, съ Макбетомъ, за что и былъ пожалованъ въ 1061 г. „господинствомъ Парси, которыемъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наследники его“.

Фамилія Lermont или Learmont носить и легендарный шотландскій бардъ XIII в., Thomas of Erceldoune, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ въ балладѣ „Thomas the Rhymer“ ^{**)}.

По народнымъ преданіямъ, Томасъ въ юномъ возрастѣ похищенъ былъ въ царство фей, где и получить свой вѣщій даръ. Черезъ семь лѣтъ ему разрѣшено было вернуться, но со условіемъ, чтобы онъ, когда на нимъ придутъ, немедленно оставилъ землю ^{**}).

Преданіе о родоначальникѣ — шотландцѣ дошло и до М. Ю. Лермонтова, который называетъ Шотландію *своей*, а себя — „послѣднимъ потомкомъ отважныхъ бойцовъ“. Но въ то же время поэтъ лелѣтъ мечту и о родствѣ съ испанскимъ герцогомъ Лермою: подписывается въ письмахъ „M. Lerm“^a, питаетъ слабость къ сюжетамъ изъ испанской жизни и истории (первоначальные очерки „Демона“ и драма „Испанцы“), даже рисуетъ портретъ своего воображаемаго предка.

Отецъ поэта, Юрий Петровичъ Лермонтовъ родился въ 1787 году; по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ онъ поступилъ на службу въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ, оттуда перешелъ въ свой родной корпусъ; въ 1811 г., будучи въ чинѣ капитана, вышелъ въ отставку, по болѣзни, и поселился съ сестрами въ своемъ родовомъ имѣніи Кропотовка, Ефремовскаго уѣзда Тульской губ.

По отзывамъ близко знавшихъ Юрия Петровича, человѣкъ онъ былъ отъ природы добрый и отзывчивый, но крайне легкомысленный и несдержанній, въ минуты раздраженія способный на самыя дикия выходки; къ тому же, подъ вліяніемъ провинциальной жизни, Ю. П., повидимому, преждевременно опустился.

^{a)} Свѣдѣнія о немъ см. А. Н. Миггау. *The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune*. London 1875.

^{**)} Нѣкоторыя критики, напр. В. С. Соловьевъ, склонны думать, что отъ этого-то вѣщаго чародѣя прорицателя, исчезнувшаго въ царствѣ фей, М. Ю. Лермонтовъ унаследовалъ характерныя черты своего гена: страшную силу личного чувства и способность схватывать запредельную сторону жизни и жизненныхъ отношеній. („Вѣстникъ Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 446—450).

По соседству с Кроптовкой было имение Арсеньевых — Васильевское, куда часто наезжала жена Михаила Васильевича Арсеньева, Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина, съ свою единственной дочерью Марией Михайловной. Здѣсь-то Ю. П. Лермонтовъ и познакомился со своею будущей женой, которую онъ очень скоро плѣнилъ счастливой наружностью и столичнымъ лоскомъ. Мать Марии Михайловны была противъ брака дочери, считая его неравнѣмъ, но вынуждена была уступить настойчивымъ просьбамъ своей любимицы; а чтобы не разлучаться съ дочерью, поручила зятю упра влять ея имѣніями — Тарханы и Михайловское, въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губ.

Бракъ Юрия Петровича съ Марией Михайловной, болѣзненной, романтически настроенной женщиной, былъ по любви, но семейное счастье продолжалось, повидимому, очень недолго.

Осенью 1814 г. больная Мария Михайловна съ мужемъ и матерью отправилась въ Москву и поселилась въ домѣ генерала Ф. Н. Толя на Садовой ул., противъ Красныхъ воротъ. Со 2 на 3 октября здѣсь и родился у Лермонтовыхъ сынъ, названный въ память дѣда со стороны матери — Михаиломъ.

Рожденіе сына нисколько не улучшило отношеній между родителями; а весною 1817 г. Мария Михайловна Лермонтова „въ слезахъ угласла“, оставивъ трехлѣтняго ребенка на попеченіе бабушки.

Въ чуткую душу ребенка глубоко запали трогательные звуки колыбельной пѣсни, которую пѣвала ему покойная мать: „ее не могу теперь вспомнить, — пишетъ М. Ю. въ 1830 г., — но увѣренъ, что если-бы услыхалъ ее, она произвела бы прежнее дѣйствіе“. (IV, 350) *).

Е. А. Арсеньева очень скоро привязалась къ внуку и перенесла на него всю свою любовь къ умершей дочери; но съ зятемъ отношенія у нея до того обострились, что Юрий Петровичъ на 9-й день по смерти жены уѣхалъ въ свое помѣстье и лишь изрѣдка навѣдывался въ Тарханы, запугивая Елизавету Алексеевну намѣренiemъ взять Мишу къ себѣ въ Кроптовку.

*.) Сохранился альбомъ Мар. Мих. Лермонтовой, въ которомъ есть нѣсколько очень сентиментальныхъ стихотвореній, на русскомъ и французскомъ языкахъ, повидимому, ея собственного сочиненія. (Историч. Вѣсти. 1881 г., кн. X, стр. 374—78).

Въ Тарханахъ, въ богатой помѣщичьей усадьбѣ, окруженной общей заботой и баловствомъ, М. Ю. Лермонтовъ и провѣлъ свои дѣтскіе и отроческіе годы:

Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ...

(Сочинен., т. I, стр. 145).

Въ раннемъ дѣтствѣ Лермонтовъ перенесъ какую-то тяжелую болѣзнь, которая надолго привокала его къ постели и оставила слѣды на всю жизнь; этой болѣзни Лермонтовъ былъ обязанъ нѣкоторой кривизною ногъ; кромѣ того, онъ всегда былъ предрасположенъ къ различными заболѣваньямъ на золотушной почвѣ.

Частое одиночество, неизбѣжное для больного ребенка, лишенного семьи въ собственномъ смыслѣ этого слова, пріучило мальчика слишкомъ рано задумываться надъ всѣмъ и безъ мѣры погружаться въ мѣръ фантазіи, мечты и грусти.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнію сердце предадъ,
И, преэрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить мѣръ воздушной,
И въ немъ терялся мыслю послушной. (II 166).

Какъ Саша Арбенинъ въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, Лермонтовъ „шести лѣтъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу... Лишенній возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой... Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ набѣдахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣщало его выздоровленію“... (IV, 299—300).

Болѣзньное состояніе внука требовало частыхъ поѣздокъ Е. А. Арсеньевой на Кавказъ, который съ тѣхъ поръ дѣлается поэтической родиной Лермонтова, неизмѣннымъ вдохновителемъ и пѣстуномъ его музъ.

„Синія горы Кавказа, привѣтствую вѣсъ! Вы взлѣтѣли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о вѣсѣ, да о нѣбѣ.“ (I, 105).

Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой. (II, 414).

Здѣсь же на Кавказѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, Лермонтовъ впервые узнаетъ „тоску любви знойной“: „это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь... О, сія минута первого беспокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ!... Горы Кавказскія для меня священны“... (IV, 349—350).

Когда мальчикъ началь подростать, Е. А. Арсеньева взяла къ себѣ въ домъ сына одного изъ сосѣдей по имѣнію, Н. Г. Давыдова, и двухъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ Миши: сначала М. А. Пожогина - Отрошкевича, сына родной сестры Ю. П. Лермонтова, а потомъ — Акима Павловича Шань-Гирея, сына своей родной племянницы. Часто и по-долгу гостили также въ Тарханахъ братья Юрьевы, дальниe родственники бабушки, и князья Максутовы.

По воспоминаніямъ А. П. Шань-Гирея, въ Тарханахъ домъ всегда былъ биткомъ набитъ народомъ, и жилось тамъ очень весело.

Правда, сама бабушка всегда была задумчива и грустна, не снилась траурного чернаго платья, но ко всѣмъ относилась ласково и любила, чтобы молодежь играла и веселилась. Когда собирались сосѣдки, устраивались танцы, и раза два былъ домашній спектакль. Мишель — смуглый, съ черными блестящими глазками, въ зеленой курточкѣ и съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надо лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ, черныхъ какъ смоль, — провивлялъ большія способности къ искусствамъ: довольно порядочно рисовать акварелью и лѣпить изъ крашенаго воска цѣлья картины; но поэтическихъ

— xx —

талантовъ не обнаруживалъ и сочиненія на задаваемыя темы писалъ ничуть не лучше своихъ товарищѣй. („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 725—27).

Въ воспоминаніяхъ другого сверстника маленькій Миша Лермонтовъ рисуется не иначе, какъ съ нагайкой въ руцѣ, властнымъ руководителемъ дѣтскихъ забавъ, болѣзньно-самолюбивымъ, экзальтированнымъ ребенкомъ. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648. Ср. „Русск. Архивъ“ 1881 г., кн. III, стр. 457—58).

Первыми учителями были гувернеры - французы — Жако и Капэ, домашній докторъ Ансельмъ Левисъ и какой-то бѣглый Кефалонійскій грекъ, занимавшійся, впрочемъ, больше скорнячествомъ, чѣмъ уроками.

II.

Осеню 1827 г. Е. А. Арсеньева перѣхала въ Москву, желая опредѣлить своего внука въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Для подготовки мальчика къ экзаменамъ приглашены были одинъ изъ воспитателей Пансіона, учитель латинскаго и русскаго языковъ, Алексѣй Зиновьевич Зиновьевъ.

Домашнімъ воспитателемъ оставался перѣхавшій изъ Тарханъ французы Капэ, плѣнній офицеръ Наполеоновской гвардіи, съумѣвшій внушить своему питомцу неизмѣнныи интересъ и уваженіе къ „герою дивному“ и „мужу рока“.

По смерти Капэ взяли въ домъ французскаго эмигранта Жандро, выведенного Лермонтовымъ въ „Сашкѣ“, подъ именемъ маркиза de Tess, „педанта полузабавнаго“, „покорнаго раба губернскихъ дамъ и музъ“, „парижскаго Адониса“. (II, 167—171).

Жандро пробыть въ домѣ Арсеньевой не долго, и его смѣнилъ англичанинъ Виндсонъ, подъ руководствомъ котораго Лермонтовъ началъ учиться по английскому и, какъ выражается Шань-Гирей, „передѣзвинивать“ Байрона *).

Въ 1828 г. Лермонтовъ поступилъ въ 4-й классъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ, какъ извѣстно, издавна преобладало литературное направленіе. Насколько поощрялись среди учащихся

*) Висковатовъ (М. Ю. Л—въ, стр. 36) упоминаетъ еще объ ученомъ евреѣ Леви, бывшемъ послѣ Сарет.

— xxI —

занятія литературай, можно видѣть изъ того, что самъ инспекторъ Пансиона, М. Г. Павловъ, готовъ бытъ помѣщать сочиненія воспитанниковъ въ проектировавшемся журналѣ „Калліопа“. Не преслѣдовались, конечно, и ученическіе рукописные журналы; въ одномъ изъ нихъ — „Утренней Зарѣ“ — Лермонтовъ бытъ самыи дѣятельныи сотрудникомъ и помѣстить первую свою поэму — „Индіанка“. („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 727).

Къ выпускнымъ экзаменамъ, носившимъ публичный характеръ, пріурочивались литературно-музыкальныи собраниія, на которыхъ воспитанники Пансиона декламировали, пѣли и играли. На одномъ изъ такихъ актовъ Лермонтовъ съ большими успѣхомъ читалъ элегію Жуковскаго „Море“ („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 727, а на другомъ — исполнить на скрипкѣ „аллегро изъ Маурерова концерта“. („Дамскій Журналъ“ 1830 г., № 1, стр. 30—31).

Учился Лермонтовъ очень хорошо, такъ что на переходномъ экзаменѣ въ 5-й классъ получилъ шесть высшихъ баловъ (4) и только двѣ тройки (по Закону Божию и Латинскому языку). Изъ его пансіонскихъ наставниковъ, кромѣ Зиновьева, извѣстны: Дмитрий Никитич Дубенской, преподававшій латинскій и русскій языки, Александръ Степановичъ Солоницкій, учитель рисованья, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, инспекторъ Пансиона, и небезызвѣстный писатель Семенъ Егоровичъ Раичъ.

Въ старшихъ классахъ русскую словесность преподавалъ А. Ф. Мерзляковъ, о которомъ Лермонтовъ бытъ, повидимому, невысокаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что Лермонтовъ возмущался его критикой стихотворенія Пушкина „Бура мглою небо кроеть“, гдѣ въ сравненіи Мерзлякову казались „невозможными и неестественными“. Поэтическіе опыты самого Лермонтова Мерзляковъ поощрялъ, снисходительно замѣчая: „молodo, зелено“. („Русск. Стар.“ 1884 г., кн. XII, стр. 589 *).

*) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, А. Ф. Мерзляковъ давалъ Лермонтову и частные уроки, такъ что, когда надѣ поэтомъ стражась бѣда изъ-за стихотворенія „Смерть поэта“, то бабушка Е. А. Арсеньева прямо винила Мерзлякова: „И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобы учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего она довела его“. („Русск. Стар.“ 1873 г., кн. III, стр. 384).

Изъ своихъ школьныхъ друзей Лермонтовъ нѣсколько разъ вспоминаетъ Сабурова и Дурнова. „Женскій характеръ“ Сабурова, прѣзѣвшаго „священной дружбы узы“, не понимавшаго „пылкаго сердца“ своего друга, доставилъ юному поэту не мало разныхъ горечей и не разъ наводилъ его на грустныи размышленія, что

„въ свѣтѣ нѣть друзей,
Нѣть дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой!“

Искреннѣе и сердечнѣе были отношенія съ „невиннымъ нѣжно-душою“ Дурновымъ, котораго поэтъ называетъ своимъ „первымъ и послѣднимъ“ другомъ. Большинство товарищъ не долюбливали Лермонтова за его насмѣшилый характеръ и приставанья („прістанеть — такъ не отстанетъ“); между прочимъ, называли его почему-то лягушкой. (Воспоминаніе А. М. Миклашевскаго въ „Русск. Стар.“ 1884 г., кн. XII, стр. 590).

Въ Москвѣ жило много родственниковъ Е. А. Арсеньевой (Лопухины, Верещагины, Бахметевы, Столыпины), и Лермонтовъ, какъ Печоринъ въ „Княгинѣ Лиговской“, могъ называть себя „племянникомъ двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ“.

Особенно близкія и дружественные отношенія установились съ семействомъ Лопухиныхъ, состоявшимъ изъ старика-отца, сына Алексея и трехъ дочерей: Мары, Варвары и Елизаветы.

Въ письмахъ къ старшей кузинѣ, Марѣ Александровнѣ, Лермонтовъ называетъ ее „наперсницей своихъ юношескихъ мечтаній“ и съ грустью вспоминаетъ, какъ она облегчала самыи сильныи его горести: „Миѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться...“, потому что возлѣ вѣсь я нашелъ бы себя самаго, стать бы опять, какимъ нѣкогда бытъ, довѣрчивымъ, полнымъ любви и преданности, одареннымъ, наконецъ, всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насть отнять, и которая самъ Богъ у менѣ отнялъ!... (IV, 399).

Нѣсколько позже, будучи уже студентомъ, Лермонтовъ страстью влюбился въ младшую кузину, Варвару Александровну, и „вѣрныя мечты“ навѣки сохранили этотъ нѣжныи образъ въ мятежной груди поэта, „какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ“.

По воспоминаніямъ Шантъ-Гирея, молоденькая, милая, умная, всѣхъ очаровывающая, В. А. Лопухина — была натура пылкая, восторженная,

поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но глубоко и сильно. Временно заглушенное новою обстановкой, шумною жизнью, успѣхами въ обществѣ и литературѣ, оно внезапно и рѣзко пробудилось вновь при неожиданномъ извѣстіи о замужествѣ любимой дѣвушки. Любовь къ Варенькѣ сохранилась на всю жизнь, несмотря на частыя увлеченія поэта.

Одной тобою жить поэтъ,
Скрывающи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной,
На зло враждующей судѣй
Имѣль онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому не свѣтѣ. (III, 91).

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ! (II, 209).

На лѣто бабушка Лермонтова уѣзжала въ подмосковное имѣніе своего брата — Середниково, куда наѣзжали и другіе родственники Столыпиныхъ. Лѣтомъ 1830 г. по сопѣдству съ Середниковымъ жила Александра Михайловна Верещагина и ея подруга Екатерина Александровна Сушкива, ст которой Лермонтовъ познакомился еще въ Москвѣ, бывая у Верещагинихъ. Молодежь собиралась вмѣстѣ, устраивали прогулки, кавалькады, пикники. Большой охотникъ до женского общества, Лермонтовъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ затѣяхъ и развлеченияхъ, ухаживая за барышнями — сверстницами и влюблляясь то въ одну, то въ другую.

По разсказамъ Сушкивой, барышни обращались съ Мишелемъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. „Такое обращеніе, — вспоминаетъ Е. А. Сушкива, — бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартинъ и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше

— xxiv —

М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтскомъ возрастѣ.
(По фотографии съ портрета масляными красками, принадлежавшаго Н. А. Шереметевой).

движение не ускользало от его зоркого взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальные сужденыя! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться не понятъ и не оцѣненъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ". („Записки“, стр. 80—81).

Особенно часто подсмѣшивались надъ чрезмѣрнымъ аппетитомъ Лермонтова и его неразборчивостью въ пищѣ. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648—49). Поводъ къ разныи насыщкамъ подавала, вѣроятно, и наружность мальчика, „неуклюжаго, косолапаго, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насыщливой улыбкой“, какъ описываетъ его Е. А. Сушкова („Записки“, стр. 78) *).

Подшучиванья кузины, Саши Верещагиной, носили, видимо, добродушный и дружеский характеръ; тогда какъ Сушкова своимъ грубоватымъ кокетствомъ доставила мальчику много муки и слезъ, и потомъ, когда они встрѣтились при совершенно иной обстановкѣ, Лермонтовъ отмстилъ ей очень зло и жестоко.

Весною 1830 г., когда началось преобразованіе Благороднаго Пансиона, Лермонтовъ подаль прошеніе объ увольненіи и началь готовиться къ поступленію въ Московскій Университетъ.

Осеню того же года онъ держалъ экзамены въ Комиссіи изъ университетскихъ профессоровъ, быль найденъ способнымъ къ слу-

*) Насколько известно, Лермонтовъ не отличался счастливою наружностью, и это служило для него, какъ для большого эстета и художника, источникомъ многихъ огорченій. Подобно Печорину въ „Княгинѣ Лиговской“ и Лугину въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, поэтъ, увлекаясь самъ наружною красотою, преувеличивалъ свои физическіе недостатки, думалъ, что „степень его безобразія исключаетъ возможность любви“, „сдѣлялся недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью“. (IV, 145 и 292).

„Въ дѣствѣ, — замѣчаетъ художникъ Меликовъ, — наружность его невольно обращала на себя вниманіе: приземистый, маленький ростомъ, съ большой головой и блѣднымъ лицомъ, онъ обладалъ большими карими глазами, сила обаянія которыхъ до сихъ поръ остается для меня загадкой. Глаза эти съ умными, черными рѣсницами, дѣлавшими ихъ еще глубже, производили чарующее впечатлѣніе на того, кто бывалъ симпатиченъ Лермонтову. Во время вспышекъ гнева, они бывали ужасны“. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648).